

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 53

Независимое Издательство



Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас...» (С)

Мысли — это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, проза которых заставит каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

☞ Так как у нас Независимое Издательство, мы хотим размещать максимально возможное количество современных авторов, если их произведения не нарушают законодательство РФ. Так все права и ответственность за произведения остаются за автором. Пунктуация и орфография так же сохраняются в оригинальном виде, за исключением покупки услуги «проверка текста». ☞

ISBN: 978-1-326-74692-6

УДК: 1751

Итоги конкурса

1 место

2 место

3 место

Содержание

Юлия Соколова-Морозова	5
Blitzwing.....	8
Дмитрий Ленков	15
Евгений Сергеев.....	18
Надежда Мельник	25
Любовь Дербасова	33
Сергей Николаев.....	69
Юся Карнова	70
Оксана Протонина	151
Fluid.....	156
Vitall	171
Валерий Беркань	178
Екатерина Васильева	184
Маша Железнова.....	189
Зинаида Гусева.....	192
Контактная информация авторов.....	194

Юлия Соколова-Морозова

Перемены

Странная штука -возраст. Еще недавно ты фукала на стариковские фасоны курточек, а сегодня ищешь гречку подешевле и заботливо прячешь от подросших детей кукольный домик. А когда тебя застают за этим занятием, безапелляционно заявляешь: "Это внушкам". До того как гипотетические внуки смогут поиграть с этим домиком еще энное количество лет, но для тебя это уже не срок. И в компанию к домику отправляются детские книжки, динозаврики и куклы.

Почки неожиданно расширили свой функционал и начали выращивать в своих недрах камни. Поход на УЗИ органов брюшной полости как-то незаметно перестал быть событием, а превратился в рутину. УЗИст тебя уже узнает с порога, интересуется, как жизнь, и ты знаешь, что он скоро едет в отпуск в Казахстан к родителям. Там, конечно, жарко и пыльно, но они уже совсем старенькие, и у мамы давление.

Твоя печень, поджелудочная и прочий ливер интересны уже не только тебе. Гастроэнтеролог разгадывает загадки твоих анализов как ребус: вроде все понятно, но что-то не складывается.

Ты уже знаешь много слов, которые заканчиваются на -скопия, и потому сто раз подумаешь : " А так ли нужна мне та шаурма? Вон и кошек в городе стало явно меньше..." Ты уже любишь суп и ешь его каждый день, хотя тебя никто не заставляет. Ну, кроме твоего желчного пузыря, который с недавних пор приобрел над тобой особую власть. Он с наслаждением мстит за каждый пропущенный прием пищи и перекус яблочком. Мстит за все годы, когда ты пропускала завтраки, чтобы поспать подольше перед парами в универе, за "уменьясегоднякучадел", за бесконечный чай в качестве замены горячей пищи. В общем претензий у него куча, а тебе уже нечем крыть.

Тебя теперь сложно расстроить пустяками. Неожиданно опухший с утра глаз вызывает скорее досаду на непредвиденные расходы на окулиста, чем страх выйти в город без макияжа и позволить людям усомниться в твоей небесной красоте. Ты спокойно идешь на работу ненакрашенная, с отеком века цвета рассвета над Балтикой. Ну, как идешь...Ковыляешь. Потому что перед выходом ты наклонилась на кухне к нижней полке, и тебе вступило в ногу, и теперь она категорически отказывается разгибаться. А у тебя в руках сумка и пакет с пакетом, где лежит еда, способная умиловить твой желчный пузырь. В целом ты похожа на младшую сестра бомжа, которой

удалось приодеться, но бросить пить пока не получается. Но ты и над этим уже можешь смеяться.

Ты можешь смеяться над многими вещами и чувствуешь себя гораздо свободнее. Ты вспоминаешь свои двадцать лет и понимаешь: Я ТУДА НЕ ХОЧУ. Ты знаешь, куда идешь. Даже с больной ногой и опухшим глазом. Ты чувствуешь за спиной своих и не боишься быть смешной, больной и жалкой. Не боишься! Тебе ничего не надо доказывать. И только сейчас ты понимаешь, как это важно.

Солнечная кладовочка

Греюсь на солнышке. Жмурюсь и чувствую себя немножко котом.

Ураган "Эльза " прошелся по области, разметал ветки, наделал дел во дворах. Потом подключился "Герхильд" и посшибал все, что циклону с женским именем оказалось не под силу. Даже вышку сотовой связи накренил. Но теперь то небо синее, весеннее, и солнышко греет даже через стекло. Еще пока робко, но уже греет. И сразу настроение в плюс.

Я очень люблю невысокое солнце. Оно ласковое. Даже летом не жарит, а нежит, и как великий художник раскрашивает небеса. Даже уходя за горизонт, оно обещает не только новый день, но что-то по настоящему замечательное, волнующее и зовет за собой туда, туда, где дивный Золотой город. Наверное это все из детства. Тогда мы жили в Заполярье, в славном городе военных моряков и летчиков Североморске. Там зимой полярная ночь, солнца нет. Совсем. Город, конечно, освещают фонари. Но разве электрический свет сравнится с настоящим, с солнечным? Там, на Севере, как нигде чувствуешь, что солнце-это жизнь. Жизнь!

Североморск от Мурманска в 30 минутах езды. Но полярная ночь там на два дня дольше. Удивительно, правда? Всего 24 километра добавляют целых два дня жизни в темноте. Зато когда небо начинает бушевать красно-оранжевым пламенем, и из-за горизонта показывается золотой краешек солнца, заливая все вокруг янтарным теплым светом, - пусть сначала всего на несколько минут- чувствуешь такую радость, такое торжество жизни над холодом, тьмой и самой смертью, что не передать словами. Зима будет продолжаться еще долго, но бесконечная ночь ушла.

-Не пойму я вас, -говорила нашему классу новая учительница математики Людмила Ивановна, только переехавшая в Североморск с Украины,-вот у нас сады зацвели, и дети уже толком не учатся. У всех туман

в голове, любовь и дурнота всякая. А у вас солнце вышло, и все. У всех весна. Никто не учится уже с середины января. Опомнитесь! Еще полгода учебы и всего полгода до экзаменов.

Но опомниться было трудно. Для нас действительно солнце и весна было практически одно и то же. Оно согревало кровь, та начинала бурлить, и сладкий любовный дурман наполнял наши сердца и неразумные головы. Какая уж там математика! Справедливости ради надо сказать, что прожив год на севере, Людмила Ивановна больше не удивлялась. Она поняла, что значит тосковать по свету и пьянеть от золотых лучей.

И вот, казалось бы, столько лет прошло! Я давно живу в Калининграде, где трава бывает зеленой даже зимой. Моя сестра (она и сейчас в Североморске) считает, что у нас просто рай. Но....

Я жмурюсь от солнца и не отвожу глаза, словно через них стараюсь наполниться частичками света и тепла. Ловлю солнышко, запасаюсь им, накапливаю впрок, на будущее, прячу поглубже, в самую душу. Все боюсь, вдруг не хватит. Вдруг тьма обступит со всех сторон и будет длиться долго. И вот тогда моя солнечная кладовочка, где как сладкий мед хранится золотой свет от детских воспоминаний и сказочных грез, от первой робкой любви и розовой северной весны с ее полыхающими закатами, поможет не просто пережить эти беспокойные времена, а увидеть в них путь, который ведет к рассвету.

Blitzwing

Будь хорошей девочкой

Огни бесчисленных, громоздящихся одна на другую, ряблящих, словно экран старого телевизора, вывесок исполняли на оцинкованной стойке причудливый танец. Из-за этих, не подчинявшихся, казалось, никакой логике лучей, принимавших самые причудливые цвета, и, хотя ярких, но как-то неудачно установленных светильников под самым потолком довольно большая комната казалась крошечной коробкой, в которую едва может уместиться человек. Сидящая за перегородкой медсестра – высокая и худая девушка лет двадцати с хвостиком, наконец, справившись с гудящим тугодумом-компьютером, открыла на нём нужный бланк. Только теперь она подняла глаза на вошедшего ребёнка.

Чуть переминаясь с ноги на ногу, с детским любопытством оглядывала новую для себя комнату рослая худенькая девчушка. Кожа её была довольно смуглой (во всяком случае, для жительницы тех мест, куда из-за смога и гигантских серых груд стекла и бетона, проникали лишь редкие лучи солнца), но коротко стриженные растрёпанные волосы – огненно-рыжими. Такое сочетание было, хотя и красивым, но, не особенно удивительным. У самой медсестры чёлка, и вовсе, была выкрашена в ярко-фиолетовый. Но у новой знакомой подобный контраст, казалось, лишь дополнял образ, образ бабочки, случайно попавшейся в цементную ловушку, образ весёлой нимфы, забредшей в край, где слои асфальта давно скрыли корни последних деревьев. Казалось, ослабь персонал приёмника-распределителя бдительность, – маленькая птичка разобьётся о гигантское стекло, попытайся держать её чуть крепче, – задохнётся. К такому облику вовсе не шёл похожий на матросскую робу костюмчик, состоявший из серо-голубых блузки и юбки до колен. «Наверное, сбежала из какой-нибудь закрытой школы, – пронеслось в голове медсестры, – впрочем, не моё дело, как и то, почему она босая».

Тем временем, странная гостья едва слышно приблизилась к стойке и стала с интересом разглядывать пляшущие на ней блики. Молодая приёмщица невольно улыбнулась.

– Ты лучше к окну стань, оттуда лучше видно, – она не понимала, зачем это говорит, – перед ней был очередной беспризорный ребёнок, которого надо было поскорее оформить и передать в другие руки, пока и без того задержавшийся персонал не ушёл, а дежурный не лёг спать, – может, хоть представишься? – Добавила медсестра уже строже.

– Марлен, – ответила девочка таким голосом, будто спрашивали о том, какой подарок она получила на последний праздник.

– Или Лўна, – прозвучало, когда девушка уже успела набрать «Марл».

– Или Стелла, – как ни в чём не бывало продолжила девочка под её укоризненным взглядом.

Эту чертовку следовало бы хорошенько отшлёпать, а потом взять у неё из вены две, нет, три пробирки крови. Но поздняя гостья вела себя так непосредственно, так мало было в её голосе не то, что злобы, но и просто желания «поддеть», при этом девчонка так мило улыбалась, что желание хоть чем-то её наказать как-то сразу пропадало. Но работу надо было продолжать хотя бы с тем, чтобы помочь ей обрести новый или вернуть прежний дом.

– Кто бы ты ни была, будь хорошей девочкой. Мне ведь нужно тебя записать, а иначе как прикажешь быть?

– Мари, – выдохнула девочка так, словно ей самой надоела эта глупая игра.

– Хорошо, – длинные и тонкие, как у пианистки, пальчики с короткими, но ухоженными разноцветными ноготками застучали по клавишам, – на этот раз поверю. Фамилия какая у Мари?

– Не знаю.

И это было похоже на правду (казалось, девушка начала уже понимать логику поведения этого не совсем обычного ребёнка). Поставив на месте фамилии прочерк (благо программа позволяла), она попросила Мари полностью раздеться. На удивление медсестры девочка без возражений, расспросов и очередных глупых шуток расстегнула блузку и спустила на пол юбку. Под ними оказались свободный белый топик и чёрные спортивные шортики. Жестом фокусника она избавилась и от них, освободив чудесную (особенно для этой поры, когда девочка только начинает превращаться в девушку), словно вырезанную из лучшего дерева фигурку.

– Ого, какая ты! – Искренне почти восхитилась медсестра. – Волосы натуральные?

– Мари их не красила, – отчего-то стало ясно, что у этого ребёнка есть привычка говорить о себе в третьем лице, – если вы об этом.

– Об этом. Да, ободок свой, – взгляд приёмщицы упал на жёлтую полоску, почти незаметную за взъерошенными волосами, – тоже сними и мне отдай.

Девочка взялась, было, за эту штуку, но потом убрала маленькие ручки, не то вопросительно, не то с осуждением посмотрев на свою новую знакомую.

– Давай-давай, действуй. Тебе потом всё вернут. Не будешь же ты в нём купаться.

Стянув с рыжей головы этот предмет, оказавшийся очками-«консервами», с непроницаемыми чёрными стёклами и какими-то портами, Мари положила его на стойку. Записав его просто как «очки» (в современной электронике она мало что понимала, а спрашивать у хозяйки было

бесполезно), медсестра (на деле, мало на что надеясь) спросила, сколько вновь прибывшей лет.

– И один, и два, и три... – будто она только этого и ждала, девчушка начала загибать по одному пальчики.

– Перестань! Пишу... – она на секунду задумалась, – двенадцать. Если ошиблась, ты сама у нас будешь виноватой. Всё, Мари, – с чувством облегчения она нажала «Отправить», – доктор нас с тобой уже ждёт.

Встав, она взяла девочку за руку, но почувствовала, что та, не желает двигаться с места. Маленькое тельце оказалось настолько сильным, что, не сделав больно, насильно заставить его хозяйку что-то делать было нельзя.

– Так, и что это у нас опять?

– Я с незнакомой никуда не пойду, – голос Мари звучал серьёзно, но в необычных, цвета утренней зари, глазах сидело по чёртику, – представься для начала.

– Фрея. Теперь идём.

– «Фрея Теперь Идём». Интересное имя!

Шлёпая босыми ножками по длинному коридору, с назойливо гудящими дежурными лампами, девочка так и не замолчала. Сначала она на несколько ладов переиначивала имя Фрейи. Потом начала рассказывать про то, как раньше жила в доме с похожими стенами и линолеумом. Затем пошли и вовсе мало реальные истории, например, про отца-археолога, нашедшего «Золотые доспехи, прям, золотые-золотые, Мари даже их немного поносила». Другая была про «Во-ооот такую рыбу, которую мы с ним поймали и съели» (всё бы ничего, но в той реке, о которой она говорила, давно уже не водились и головастики, а на удачную рыбалку могли надеяться только посетители специально для того построенных прудов). Были и подражания разным персонажам фильмов, мультфильмов, игр и книг.

Уже почти перед кабинетом врача Мари вспомнила гика-грубияна из недавно прошедшего сериала. Фрейя знала этот сериал и помнила серию, где тот упоминался, хотя и не обращала на этого персонажа особого внимания. Ей он казался просто наглецом, пользовавшимся своим положением клиента для того, чтобы поставить официантку в неловкое положение, а знанием боевых искусств, – чтобы «отметелить» парня, пытавшегося её защитить. За это нахал был заслуженно наказан, а попутно раскрыты некоторые важные для сюжета действующие лица. Но Мари была другого мнения. Она, и правда, считала первый поступок того персонажа плохим. Но вот дальше заявляла, что его соперник «Получил по-честному. А, значит, должен был утереться и утешиться тем, что прав-то он, а девчонке потом мороженное купить. И уж никак не прятаться за другими. Вот что, уж точно, не по-мужски. Вообще, не по-человечески. Мари после той серии даже этот сериал стала меньше любить. Что же это получается? Ты слабый – тебя обижают. Ты сильный – тебя обижают, прячась за девчонками». На это